

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2019-3-57-65

Трофимов Василий Владиславович
Vasilii V. Trofimov

доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33)

doctor of sciences (law), associate professor, director of Scientific research institute of state-legal research, professor of the department of theory and history of state and law
G.R. Derzhavin Tambov State University (392000, Tambov, ул. Интернациональная, 33)

E-mail: iptgutv@mail.ru

**Ограничения в праве как отражение конфликтной стороны
социальных отношений: к началам теории проблемы**

**Restrictions on law as a reflection of the conflict side of social relations:
to the beginnings of the theory of the problem**

Статья посвящена исследованию конфликтной социальной природы ограничений в праве. Устанавливается закономерная связь между конфликтами в социально-правовой жизни и ограничивающими правовыми средствами, которые нацелены на то, чтобы предупреждать (создавая юридические границы) и минимизировать конфликтные отношения между социальными субъектами. Констатируется конструктивная функция социально-правовых конфликтов, в ходе которых вырабатываются способы преодоления конфликтных ситуаций в правовой жизни общества.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

Ключевые слова: право, ограничения в праве, социально-правовой конфликт, правовая жизнь, теневое право, правовые средства, запреты, конфликтное право.

The article is devoted to the study of the conflicting social nature of restrictions on law. A regular relationship is established between conflicts in the social and legal life and restrictive legal means, which are aimed at preventing (creating legal boundaries) and minimizing conflict relations between social actors. The constructive function of socio-legal conflicts is ascertained, during which ways to overcome conflict situations in the legal life of society are developed.

The research is funded by RFBR according to the research project no. 19-011-00726.

Keywords: law, restrictions on law, social and legal conflict, legal life, shadow law, legal means, prohibitions, conflict law.

Анализируя право, присущие ему средства воздействия на социальные отношения, его роль и уровень функциональности (способности выполнять в полной мере свое социальное предназначение в части оптимального регулирования общественных отношений), необходимо начинать с изучения самой социальной жизни, в ходе которой предметная деятельность людей трансформируется в соответствующие правовые формы и юридико-языковые значе-

ния (лингвосемантические правовые конструкции). Поскольку только поняв и всесторонне осознав социальную природу права, можно приступать как к искусству творения правовых норм (правотворчеству), так и ремеслу их применения в правовой жизни. Не выполнив этого базового условия, вряд ли представится возможность получить качественный правотворческий результат, ощутить положительный эффект от применения созданной правовой

© Трофимов В.В., 2019

нормативной модели, юридического средства. Причем это наше исходное утверждение (своего рода базовая методологическая посылка) касается исследования всех элементов правовой материи (от дозволительных до ограничительных, от позитивных до негативных). Как заметил когда-то выдающийся отечественный правовед С.С. Алексеев, внесший существенный вклад в обоснование и развитие объективной концепции права (выражающей точку зрения того, что право есть прежде всего порождение объективных правообразующих факторов, а уже потом результат профессиональной правотворческой логики и действий субъекта правового творчества), и эта мысль все также актуальна и во многом безупречна: «Право, все части механизма правового регулирования существуют объективно, представляют собой реальные явления социальной жизни» [1, с. 199].

Напрямую это утверждение должно приниматься во внимание при проведении в социально-правовую жизнь политики юридических ограничений, которые сегодня начинают очень часто возобладать и появляться там, где их, может, и не следовало вводить, там, где они не нужны и малоэффективны, вместе с тем они возникают, «предлагая» людям и организациям все новые запреты, обязанности, наказания и пр. (в уголовном и административном законодательстве, в законодательстве о СМИ, об Интернете, о порядке выезда из страны и въезда на территорию страны, в области налогов и сборов и пр.). Может быть, эта тенденция абсолютно закономерна, и мы (наша государственно-правовая система) вновь приходим к очередному циклу правового развития [2], в данном случае — циклу командно-административного регулирования, на совсем недолгое время испытав, что есть либеральная (свободная от излишних запретов и принудительных предписаний) государственно-правовая система. Так ли это или нет, возможно понять лишь проникнув в глубины социальной материи, в отношении которой искомые правоограничительные механизмы вводятся. Да, нужен именно такой не поверхностный, а что называется спектральный анализ, позволяющий установить все составные элементы социально-правового вещества, их качественные характеристики и свойства, а также то, как они проистекают на свет, как формируются, насколько в данном случае оправданы правовые ограничения. Это позволит установить, как с этим «веществом» работать, как его организовать, привести в состояние оптимума и пр., ведь социум для права, правовых механизмов,

выступает прежде всего объектом воздействия (прямого или косвенного), а право в этом случае является инструментом (средством) регулирования общественных отношений, но, как и каждый инструмент, оно будет эффективно тогда, когда будет использоваться умело и адекватно социальным обстоятельствам, в частности, применительно к современной линии на внедрение в практику жизни запретительно-ограничительных предписаний. Очень верно в этом смысле отмечает Н.А. Власенко, что «природа ограничений в праве требует продолжения исследования», речь при этом идет и о «глубинной, правообразовательной роли ограничений» [3, с. 55].

Вообще, правовые средства есть функциональная сторона права как социального явления. С их помощью право опредмечивает себя в реальной жизни общества (из некой абстрактной формы преобразуется в факт социального бытия), с одной стороны, предлагая людям гарантированные государством юридические возможности реализовать свой потенциал как собственникам имущества, как творческим личностям, как участникам политической жизни или свои притязания на меры социального обеспечения, образования, правовой защиты (предоставляя путем дозволений и иных позитивных юридических инструментов свободу действий в социально-правовой сфере), с другой — устанавливая для людей (которые находятся объективно в условиях перманентного взаимодействия как между собой, так и с социальными учреждениями, организациями, государством в лице его органов и должностных лиц) зримые юридические границы, не допускающие того социального поведения, которое было бы излишним и вредным как для окружающих социальных субъектов, так и для общества и государства в целом (посредством негативного (ограничительного) правового инструментария).

Используя данные, предлагаемые правом средства — дозволения (равно как и учитывая установленные правом пределы свободы, средства — ограничения), человеческие индивиды и социальные общности приобщаются к праву и осуществляют свою жизнедеятельность по образцу права (приближая сущее к должному). При этом активное применение вводимого юридического инструментария в жизни свидетельствует, что к праву имеется доверие и оно приоритетнее в реализации жизненных стратегий, чем все иные социальные (неправовые или даже антиправовые) регуляторы. Обратное, то есть в основной степени лишь пассивное «следование» праву (или даже его игнорирование), в большей мере

говорит о том, что в нем не видят необходимого и оптимального способа существования, и оно нередко замещается другими регулятивными основаниями (социальными неправовыми нормами (религия, мораль, нравственность), обычной социальной практикой в виде общепринятых правил взаимодействия либо даже квазинормами, вырабатываемыми в рамках теневой правовой жизни (или, как она еще именуется, — антиюридической жизни [4]), нормами, составляющими так называемое теневое право [5]. «Правовые средства в механизме реализации права, — пишет В.А. Сапун, — отличаются универсальным характером. Они обеспечивают оптимальное правомерное поведение в сфере правового регулирования, правореализующую и правоприменительную деятельность в целях решения разнообразных социальных задач» [6, с. 52].

Такое социальное значение правовых средств в общественно-правовой жизни подтверждает постоянную необходимость поддерживать право как средоточие юридических инструментов в надлежащем состоянии, на уровне высокого качества и функциональности (состояния готовности данных правовых средств быть полезными в тех ситуациях, где право может быть востребовано, оказать необходимое содействие или противодействие в зависимости от характера социального контекста). Именно по этой, как представляется, причине проблема «юридических средств, их своевременного и качественного совершенствования в правотворческом и правореализационном процессах становится все более актуальной, научно и практически значимой» [7, с. 11].

Очевидно, что уровень эффективности правовых средств (как стимулирующего, так и ограничивающего плана) зависит от того, насколько в них выражается социальная природа права, насколько в юридических нормативах в идейно-целевой форме получили отражение запросы социальной жизни, было закреплено верное понимание того, «какие социальные задачи эти правовые механизмы могут решать, где и в каком порядке их можно использовать в практической правовой деятельности для достижения социально значимых результатов» [8, с. 13].

Рассмотрим подробнее этот вопрос на примере правовых ограничений. *Правовые ограничения*, средства ограничения в праве, которые как вид правовых инструментов представляют собой «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрsubjекта и общественных интересов в охране и защите; это

установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [7, с. 11], заслуживают в этом плане, как было сказано и выше, особого внимания, поскольку их императивность, «острота» и порой «болезненность» для социальных субъектов не могут и не должны позволять иметь в их составе необоснованные и произвольные элементы. Каждое из подобных средств необходимо вводить в систему права только в строго оправданных формах (объемах, пределах и пр.), так как если позитивные юридические средства (дозволения, стимулы) работают, как правило, в формате диспозитивности и их использование зависит от усмотрения самих субъектов права, то ограничивающие инструменты — это, главным образом, императивные (категорически обязательные, властно-принудительные) нормативные установления (и возникшие в тех или иных обстоятельствах фактические составы, обуславливающие вступление в силу негативных средств, объективно не позволят субъектам права уйти из-под их влияния, хотя, может быть, такое воздействие и нежелательно и не отвечает неким началам справедливости).

Это означает, что, устанавливая искомые границы в виде правовых ограничений, необходимо максимально четко и достоверно знать и понимать природу тех социальных отношений, которые будут затрагиваться данными ограничениями, включая интересы участников данных отношений, действительно ли негативное воздействие права на социальную среду здесь уместно и не приведет ли то или иное ограничение к внутреннему кризису в социальной системе, к некоему коллапсу, который можно было бы избежать, не вводя необоснованные ограничения в виде запретов, приостановлений, обязанностей, негативных санкций, уголовных, административных, дисциплинарных, гражданско-правовых наказаний, лимитов или, допустим, депоощрений (последние субъективно могут восприниматься как наказания) [9, с. 24] и пр.

Право генетически и функционально связано с реальной действительностью, которая придает ему объективный характер и обуславливает его внутреннее содержание. Таково социологическое прочтение сущности права. Право — иными словами, является проекцией социальной жизни, которая предопределяет его сущностные и содержательные стороны. Исходя из понимания законов социальной жизни, приходит понимание условий существования и функционирования самого права как цивили-

зованного средства жизнедеятельности общества. В свою очередь, социальная реальность есть субъектно-структурированный социальный контекст, где у основания находится **взаимодействие** людей, в том числе сосуществующих в качестве сотрудничающих или конфликтующих участников правовой жизни. Социальное взаимодействие представляет собой своего рода предельно-конечный онтологический момент в рамках (недрах) контекста общественных отношений, их глубинный пласт, тот базисный (первичный) уровень, на котором начинается жизнь той или иной социальной структуры, в том числе надстроечных правовых форм. Категория «взаимодействие» в рамках социально-философского подхода, развиваемого в работах представителей «коммуникативной теории общества» (Ю. Хабермас, К.-О. Апель, П.А. Сорокин, Т. Парсонс, Н. Луман, П. Бергер, Т. Лукман и др.), выдвигается на передний план в части анализа закономерностей развития общества [10].

Именно это взаимодействие (социальная интеракция), его характер, конфликтный или солидарный, детерминирует то, как социальная система (в том числе в виде своих социальных институций — государство, право и пр.) в целом будет воспринимать диалектический ход (развитие) социальных связей, поскольку то или иное колебание на одном из участков социальной системы рано или поздно, сильно или слабо откликается на других ее участках, поэтому на каждое из колебаний система или системные компоненты реагирует (реагируют) своим «отношением», благоприятствуя или стараясь воспрепятствовать возникающим в процессе «колебаний» статическим и динамическим социальным состояниям. Отсюда и присущая социуму вариативность «кар» и «наград» [11] для воздействия на социальные отношения: одни «колебания» есть смысл поддержать, если они создают благоприятный социальный климат, другие — сдерживать, минимизировать, если они вредны для социальной системы. Причем нужно сразу иметь в виду, что, применяя эти инструменты к людям, государственно-правовой механизм делает не просто «плохо» или «хорошо» адресату соответствующих наказаний и поощрений, то есть не столько для этого, а делает это затем, чтобы обеспечивались интересы других участников социального взаимодействия, с которыми соответствующий субъект находился (находится) во взаимодействии: так, ограничивая в чем-либо «кого-то», «другому» открывается больше свободы, в том числе сво-

боды от каких-либо посягательств; в свою очередь, предоставляя кому-либо дополнительную возможность (дозволение), государство и право предусматривают, что это не повлечет за собой автоматически излишнюю ограниченность в свободе других, поскольку сфера, где искомое дозволение предоставляется, имеет изначально неантагонистичное содержание и дополнительная свобода «одного» не призвана ограничивать имевшуюся свободу «другого», а скорее нацелена на то, чтобы увеличить общую свободу ради общего социального блага.

Так, на наш взгляд, социальная природа правовых ограничений связана ни с чем иным, как с феноменом конфликта в социуме, который делит, что называется, «пальму первенства» в определении стратегии развития социальной жизни наряду с сотрудничеством (солидарностью), поэтому не случайно, что в социальной философии сосуществуют те же два типа социальных теорий, в одном случае определяющих все в обществе через солидарность (М.М. Ковалевский, Л. Дюги и др.), в других — через конфликт (Г. Зиммель, Р. Дарендорф и др.). А появляющиеся сегодня все новые и новые ограничения в основной своей части могут говорить лишь о том, что современный социум далек от состояния мира и взаимной любви, за что всегда ратовали сторонники солидаризма, начиная с Пифагора и пифагорейцев [12, с. 20—21], в нынешних условиях, скорее, именно конфликт превалирует в социуме (и у этого факта есть свои объяснения, материальные, духовные и пр., однако подробнее о них не в этой статье).

Конфликт, действительно, в жизни социума занимает особое место, представляя такое же, на наш взгляд, объективное явление социальной жизни, как и сотрудничество между людьми, причем нередко конфликтные модели взаимоотношений начинают доминировать в силу складывающейся противоположности интересов участников социального пространства, их несовпадения, по причине стремления к обладанию одними и теми же социальными (материальными) благами и пр. Это порой позволяет на уровне социальной теории именно конфликту отводить преимущественное место в системе факторов социального развития. Так, Г. Зиммель, Р. Дарендорф и др. подчеркивали, в частности, что общественная жизнь порождается и развивается именно через противостояние, враждебность, настороженность, которые ведут к социальному напряжению на том или ином участке социальной жизни [13, с. 193].

Конфликт есть противоборство двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью (несовместимостью) их интересов, потребностей, систем ценностей или знаний. Конфликтолог Л. Козер предлагал понимать под конфликтом «борьбу за ценности и претензии на определенный социальный статус, власть и недостаточные для всех материальные и духовные блага; борьбу, в которой целями состоящих в конфликте сторон являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника» [14, с. 9].

С.С. Алексеев, оценивая характер ситуаций, требующих права («правовых ситуаций»), обращает на это особое внимание. Ученый отмечает, что, «как правило, это конфликт или положение во взаимоотношениях людей, грозящее конфликтом, с внешней стороны — спор, сшибка интересов, соперничество мнений и намерений. Причем, — подчеркивает ученый, — в условиях цивилизации, когда волей и страстями людей начинают руководить жесткие индивидуальные интересы, особенно те, которые выражают императивы власти, собственности и идеологии, такого рода конфликтные ситуации становятся постоянно существующей сферой. Теми, по словам Иммануила Канта, проявлениями “необщительной общительности”, “постоянного антагонизма”..., которые выражаются в соперничестве, состязании, конкуренции и которые, нередко выплескиваясь в разрушительных проявлениях, в то же время имеют значение, как это ни поразительно, незаменимого стимула активности и энергии — основы общественного прогресса» [15, с. 258].

«В обстановке такой «конфликтной среды», обостренной групповой и личностной борьбы, и потребовался своего рода противовес — ...право», которое «призвано внести в остросложные ситуации, характерные для общественной жизни в условиях цивилизации... нормативные начала, построенные на принципах гражданского мира, умиротворения, согласия, учета различных интересов, взаимных скоординированных уступок» [16, с. 220—222].

Данному типу социальных взаимосвязей соответствует свой тип правового воздействия, выражающий специфику особого по своему социальному правообразующему характеру массива юридических норм. Конфликт актуализирует в праве совокупность именно «ограничений», нацеленных на приведение в «брейковое» состояние конфликтующих субъектов, он же предопределяет качество императивности правовых норм, обеспечивающих социальное соперничество рамками «допустимо-должного».

В целом, если анализировать нормы позитивного права, регулирующие отношения конфликта, нельзя не увидеть закономерность, связанную с тем, что по своим качественным параметрам к конфликтным отношениям применимы, по общему правилу, нормы императивного юридического содержания, вводящие либо прямые запреты, за нарушение которых предполагаются строгие санкции, либо обязывания выполнить что-либо или воздержаться от каких-либо действий (также сопровождаемые санкциями за неисполнение или ненадлежащее исполнение) и пр. И поэтому, чем больше конфликтов в социально-правовой жизни, и чем они чаще, тем больше в праве ограничений, и тем они порой жестче. В этом смысле у многих из вводимых сегодня в правовую практику запретов есть именно это объяснение — они выступают реакцией на реальные или потенциальные конфликты между теми или иными сторонами социального взаимодействия (как в частноправовой жизни, так и в практике публичного, главным образом, политического дискурса).

Конфликт в этом смысле обладает такой важной характеристикой, как «конструктивная функция», обуславливает возникновение стандартов взаимодействия, способствующих разрешению конфликтов или не допускающих их в перспективе. Этот подход на обнаружение конструктивной функции (а в нашем случае применимо и такое понятие, как «конструкторская», или «конструкторско-правовая функция») берет начало в работах Г. Зиммеля. В дальнейшем эта научная традиция связана, в первую очередь, с именами Л. Козера, Р. Дарендорфа, М. Дойча [17, с. 139]. По их мнению, конфликт предотвращает стагнацию, стимулирует ход колебаний взаимодействий, выступает в роли медиатора, с помощью которого артикулируются проблемы, находят их решения, служит основой изменений в системах взаимодействия. Более того, как отмечает Л. Козер: в «нецентрализованных группах и свободных обществах конфликт, направленный на разрешение трений между противниками, часто играет стабилизирующую и интегративную роль». Позволяя четкое и ясное выражение противоречащих требований, эти социальные системы получают возможность усовершенствовать свою структуру путем исключения трений. Множественные конфликты, которые эти системы испытывают, помогают им избавиться от источников внутреннего антагонизма и добиться сплоченности. Эти системы снабжают себя путем институционализации конфликта важным стабилизирующим меха-

низмом. «Внутригрупповой конфликт, — подчеркивает Л. Козер, — часто вдыхает новую жизнь в существовавшие нормы или приводит к возникновению новых. В этом смысле социальный конфликт выступает в роли механизма для установки норм, соответствующих новым условиям» [18, с. 209].

Вместе с тем, позволим себе заметить, что и в прошлом созидательную, творческую, конструктивную роль конфликта подчеркивали мыслители. В частности, вот что по этому поводу писал в своей работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» И. Кант: «В мире чистого товарищества в условиях полного единодушия, умеренности и взаимной любви, [все таланты] навсегда оказались бы скрытыми в зародыше... Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную жажду обладать и господствовать! Без них все превосходные природные задатки человечества оставались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора» [19, с. 10—12]. Как продолжает конфликтолог Р. Дарендорф, следуя логике этого кантовского высказывания «...большое значение имеет не только та мысль, что общество означает господство, а господство значит неравенство, но и та, что неравенство порождает конфликты, которые служат источником прогресса...» [20, с. 42].

В случае возникновения конфликта происходит отклонение от нормативной модели общества, государства, его органов, статуса граждан и должностных лиц. Для предотвращения конфликтной ситуации участники общественных отношений должны быть мотивированы таким образом, чтобы у них не возникало желания к отклонению от выполнения «ролевых ожиданий». Человек действует сообразно представлениям, которые он усвоил и превратил в свои убеждения, именно этими представлениями определяется его мотивация. Очевидно, что человек, соблюдающий нормативный общественный порядок, будет способствовать поддержанию равновесия в системе [21, с. 8]. В свою очередь, если субъекты не желают сознательно действовать правомерно, избегая возможных конфликтов с окружающими и с нормативно установленным порядком, в силу вступают те механизмы, которые призваны побудить действовать по правилам либо обеспечить те условия (формы) сосуществования в социальной системе, которые не позволят развиваться потенциальным конфликтам.

Для участников реальных или перспективных конфликтных ситуаций наиболее действенным правовым средством формирования такой мотивации может быть лишь четко установленное «властное веление» — барьер (граница), не допускающий перевод конфликта в то состояние, при котором возникнет прямое нарушение прав и интересов какой-либо из сторон конфликта либо могут сложиться предпосылки для покушения на устои социальной системы в целом, иными словами, это могут быть лишь императивные (категорически обязывающие (в том числе — под страхом наказания) а) соблюдать установленные правила в системе, либо б) действовать соответствующим образом, не провоцируя возможные конфликты, и в этом смысле — ограничивающие) правовые предписания [22].

Так, одним из центральных правовых средств подобного рода можно считать *запрет* (одной из первых комплексных работ, посвященных институту правовых запретов, является работа А.Г. Братко [23]), который будучи государственно-властным велением указывает на недопустимость определенного поведения под угрозой наступления наказания, так как такое поведение может причинить вред личности и государству (сам же получивший в законодательстве «вывод» о степени вреда исходит из практического опыта, при котором в результате такого «вредного» и часто «преступного» поведения возникал острый социальный конфликт между тем, кто проявлял агрессию, и тем, кто принимал эту агрессию, либо отвечал встречным «негативом»). Поэтому вводимые юридические запреты устанавливают правовые обязанности пассивного характера, то есть обязанности воздерживаться от действий определенного рода [24, с. 45]. «Запреты — наиболее яркие, последовательные, классические правовые ограничения...» [25, с. 179].

Главный смысл императивных норм, негативных (ограничивающих) правовых средств — зафиксировать статус конфликтующих субъектов, определить четкую дистанцию между ними и тем самым обеспечить должную упорядоченность в данной системе взаимодействия и в то же время ее внутреннюю эффективность. Такими конфликтными или потенциально конфликтными отраслями и институтами права, регулируемыми конфликтные взаимоотношения (преступником и потерпевшим, совершившим административный проступок и испытавшим его негативное воздействие, и пр.), можно считать уголовное право, нормы об административных правонарушениях, некоторые институты эко-

логического, трудового, семейного, отдельные субинституты гражданского права, институты процессуального права и т. д.

Ограничения в праве — это именно «ограда», за которую помещаются лица, которые в обычном социальном мире не проявили способность находиться в согласии с другими людьми, с обществом. По общему правилу, это лица, вступившие в конфликт с окружающими, нарушив не только их покой и интересы, но и те юридические запреты, которые стоят на страже данных интересов мира и согласия в обществе. И эта «ограда» как бы отделяет один мир от другого. Как образно вспоминает Ф.М. Достоевский: «За воротами был светлый, вольный мир, жили люди, как и все. Но по сию сторону ограды представляли себе, как о какой-то несбыточной сказке» [26, с. 53].

В зависимости от степени напряженности и остроты конфликтных ситуаций средства правового воздействия могут иметь различную меру «давления» на участников конфликтов (от «предупредительных» инструментов до инструментов «карательных», оказывающих сильное информационно-психологическое или физическое воздействие на виновника конфликта). Как пишет Ю.А. Тихомиров применительно к конфликтам в экономике, знание динамики таких конфликтов (этапов их развития) позволяет применять необходимые процедуры (включая — юридические), чтобы на этой основе в дальнейшем использовать либо «мягкие», а возможно и «жесткие» средства их преодоления [27, с. 6].

Возникновение, а равно и действенность императивных норм, ограничивающих правовых средств предопределены конфликтными состояниями в социуме — такова их объективная социальная (социально-интерактивная) природа. Подобные ситуации влияют на оформление, развитие и институционализацию юридических элементов по мере институционализации и развития самих конфликтных ситуаций. По этому поводу В.С. Нерсисянц, подчеркивая положительное значение перевода социального конфликта в правовую форму, писал: «Юридизация конфликта... не подчиняет себе жизнь, не унифицирует разные интересы, ... а лишь выражает необходимые общие условия... для равно-го..., справедливо согласованного... по общей норме внешнего проявления этих различий» [28, с. 55]. Теодор Гайгер (немецкий социолог) в этой связи также отмечал: «...те, кто институционализировал свои противоречия, не только лишили их остроты, но и образовали своего рода картель для защиты общих интересов. Оба

контрагента могут по-прежнему иметь разное мнение о том, как делить пирог обеспечения, но они едины в убеждении, что делят свой пирог» [20, с. 147].

В совокупности по сути все то, что выросло и сформировалось в результате конфликтов, институционализировалось в способы, формы, нормы, с помощью которых возможно регулировать (сдерживать, корректировать, разрешать и пр.) конфликтные социальные отношения, может считаться своеобразной системой **конфликтного права** — права, которое в основной своей части состоит из ограничивающих (негативных) юридических средств, направленных на регулирование (упорядочение) конфликтных отношений между различными социальными субъектами, которыми определяется мера дозволенного (в том числе указанием на запрещенное) и правомерного поведения социальных субъектов в обществе [29].

Таким образом, конфликтные отношения в социуме обладают свойством созидательного плана, воспроизводят необходимый для разрешения конфликтов нормативный инструментарий, который может переводиться путем правотворческой деятельности в легальные правовые формы. Конфликтные социально-правовые отношения обуславливают при этом особую подсистему правового регулирования, состоящую в основном из юридических средств ограничивающего характера, так как именно с их помощью можно либо устранить существующий социальный (или нормативный) конфликт, либо предупредить его появление в структуре социальных (правовых) систем на будущее время. Конфликт — объективное явление социальной жизни, при этом он нередко выступает источником социального прогресса, вместе с тем, чтобы его созидательно-конструктивная функция сохранялась должна сохраняться и сама социальная система, внутри которой он возникает, а значит — обязательно должны быть те механизмы (прежде всего, правовые), которые будут вводить его в разумные рамки, минимизируя (путем ограничений) конфликты между социальными субъектами, ограждая каждого из них от излишних негативных последствий.

Примечания

1. Общая теория социалистического права: курс лекций: учебное пособие: в 4 вып. Свердловск, 1963—1966. Вып. 4: Применение права: Наука права. 1966. 203 с.

2. Тихомиров Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10. С. 15—22.

3. Власенко Н.А. Ограничения в праве: природа и пути исследования // *Юридическая техника: Ежегодник*. 2018. № 12. С. 53—55.
4. Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2014. № 4 (28). С. 9—21.
5. Баранов В.М. Теневое право: монография. Н. Новгород: НА МВД России, 2002. 165 с.
6. Сапун В.А. Право. Правовые средства. Правосознание. СПб.: Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2012. 416 с.
7. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2005. 250 с.
8. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2002. 156 с.
9. Баранов В.М., Чернявский А.Г., Девяшин И.В., Пешехонов Д.А. Депоощрение по российскому праву (доктрина, практика, техника). М.: Инфра-М, 2017. 448 с.
10. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Коммуникативная теория общества как современный социально-философский подход к изучению правовой жизни: введение в проблему // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2017. № 3. С. 16—23.
11. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. 447 с.
12. Алексеев Н.Н. Идея государства: Очерки по истории политической мысли. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. 407 с.
13. Гревцов Ю.И. Социология права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 312 с.
14. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // *Государство и право*. 1995. № 9. С. 9—14.
15. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 748 с.
16. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
17. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М.: МГУ, 1977. 204 с.
18. Дойч М. Разрешение конфликта: конструктивные и деструктивные процессы // *Социально-политический журнал*. 1997. № 1. С. 202—217.
19. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. 1784. // Кант Иммануил. Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966. (Философ. наследие). Т. 6. 1966. С. 5—23.
20. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 288 с.
21. Макеева Е.М. Система права как самоорганизующаяся система // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2009. № 4. С. 7—9.
22. Трофимов В.В. Конфликт в социуме и императивность в праве: закономерная связь // *Связи в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Нижний Новгород, 19—20 мая 2016 г.) / под общ. ред. В.А. Толстика, В.М. Баранова*. Н. Новгород: НА МВД, 2016. С. 372—376.
23. Братко А.Г. Запреты в советском праве: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1979. 18 с.
24. Игнатенкова К.Е. Место и роль наказаний в механизме правового регулирования // *Наказание и ответственность в российском праве: актуальные проблемы / под ред. А.В. Малько*. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 41—53.
25. Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. 296 с.
26. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 2: Записки из Мертвого дома. Записки из подполья. Униженные и оскорбленные (сборник). М.: АСТ, Астрель, 2006. 816 с.
27. Процедуры преодоления конфликтов в экономике / Тихомиров Ю.А. [и др.]. М.: ТИССО, 2003. 204 с.
28. Юридический конфликт: процедуры разрешения / Бойков О.В., Варламова Н.В., Веденеев Ю.А., Дмитриев А.В. [и др.]; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев. М.: ИГП РАН, 1995. 159 с.
29. Трофимов В.В. Конфликтное право и право сотрудничества // *Журнал российского права*. 2011. № 9. С. 40—48.

Reference

1. The general theory of socialist law: lecture course: study guide: 4 issue. Sverdlovsk, 1963—1966. Vol. 4: Application of law: The science of law. 1966. 203 p. (In Russ.)
2. Tikhomirov Yu.A. Cycles of legal development. *Journal of Russian Law*, 2008, no. 10, pp. 15—22. (In Russ.)
3. Vlasenko N.A. Limitations in Law: Nature and Paths of Research. *Legal Technique: Yearbook*, 2018, no. 12, pp. 53—55. (In Russ.)
4. Baranov V.M. Shadow law as an anti-legal life. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 4 (28), pp. 9—21. (In Russ.)
5. Baranov V.M. Shadow law: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 165 p. (In Russ.)
6. Sapun V.A. Right. Legal means. Legal awareness. St. Petersburg: Publishing House of SZIU RANEPА, 2012. 416 p. (In Russ.)
7. Malko A.V. Incentives and restrictions in law. Moscow: Lawyer Publ., 2005. 250 p.

8. Sapun V.A. The theory of legal means and the mechanism for the implementation of law. St. Petersburg: Publishing House St. Petersburg State Unitary Enterprise, 2002. 156 p. (In Russ.)
9. Baranov V.M., Chernyavsky A.G., Devyashin I.V., Peshekhonov D.A. Depot encouragement under Russian law (doctrine, practice, technology). Moscow: Infra-M Publ., 2017. 448 p. (In Russ.)
10. Trofimov V.V., Sviridov V.V. The communicative theory of society as a modern socio-philosophical approach to the study of legal life: an introduction to the problem. *Legal policy and legal life*, 2017, no. 3, pp. 16—23. (In Russ.)
11. Sorokin P.A. Crime and punishment, feat and reward: A sociological study of the main forms of social behavior and morality. St. Petersburg: Publishing House Rus. Christian. humanity. Inst., 1999. 447 p. (In Russ.)
12. Alekseev N.N. The idea of the state: Essays on the history of political thought. New York: Publishing House Chekhov, 1955. 407 p. (In Russ.)
13. Grevtsov Yu.I. Sociology of Law. St. Petersburg: Legal Center Press Publ., 2001. 312 p. (In Russ.)
14. Kudryavtsev V.N. Legal conflict. *State and law*, 1995, no. 9, pp. 9—14. (In Russ.)
15. Alekseev S.S. Ascent to the right. Searches and solutions. Moscow: Norma Publ., 2001. 748 p. (In Russ.)
16. Alekseev S.S. Right: Alphabet. Theory. Philosophy. Complex research experience. Moscow: Statute Publ., 1999. 712 p. (In Russ.)
17. Theoretical and methodological problems of social psychology / ed. G.M. Andreeva, N.N. Bogomolova. Moscow: Moscow State University Publ., 1977. 204 p. (In Russ.)
18. Deutsch M. Conflict resolution: constructive and destructive processes. *Socio-political journal*, 1997, no. 1, pp. 202—217. (In Russ.)
19. Kant I. The idea of universal history in the global civilian plan. 1784. *Kant Immanuel. Works in six volumes*. Moscow: Thought Publ., 1966. (Philosopher. Heritage). Vol. 6. 1966. Pp. 5—23. (In Russ.)
20. Darendorf R. Modern social conflict. Essay on the policy of freedom / transl. from German. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN) Publ., 2002. 288 p. (In Russ.)
21. Makeeva E.M. The system of law as a self-organizing system. *State power and local self-government*, 2009, no. 4, pp. 7—9. (In Russ.)
22. Trofimov V.V. Conflict in society and the imperativeness of law: a logical relationship. *Connections in law: theory, practice, technology: a collection of articles based on materials from the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, May 19—20, 2016) / under the general. ed. V.A. Tolstik, V.M. Baranov*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2016. Pp. 372—376. (In Russ.)
23. Bratko A.G. Bans in Soviet law: theory issues. Author's abstract... candidate of legal sciences. Saratov, 1979. 18 p. (In Russ.)
24. Ignatenkova K.E. The place and role of punishments in the mechanism of legal regulation. *Punishment and responsibility in Russian law: actual problems / ed. A.V. Malko*. Moscow: Yurlitinform Publ., 2014. Pp. 41—53. (In Russ.)
25. Malko A.V., Shundikov K.V. Goals and means in law and legal policy. Saratov: Publishing House of the State Educational Institution of Higher Professional Education "Saratov State Academy of Law", 2003. 296 p. (In Russ.)
26. Dostoevsky F.M. Collected Works: in 9 vol. Vol. 2: Notes from the Dead House. Notes from the Underground. Humiliated and offended (compilation). Moscow: AST, Astrel Publ., 2006. 816 p. (In Russ.)
27. Tikhomirov Yu.A. [and etc.]. Procedures for overcoming conflicts in the economy. Moscow: TISSO Publ., 2003. 204 p. (In Russ.)
28. Boykov O.V., Varlamova N.V., Vedeneev Yu.A., Dmitriev A.V. [and etc.]. Legal conflict: resolution procedures / ed. by V.N. Kudryavtsev. Moscow: IGP RAS Publ., 1995. 159 p. (In Russ.)
29. Trofimov V.V. Conflict law and the law of cooperation. *Journal of Russian Law*, 2011, no 9, pp. 40—48. (In Russ.)